

Творческая заявка на постановку спектакля
«КЛОЧКИ»
(записки сумасшедшего)

АВТОР

Вновь Н.В.Гоголь... И вновь «Записки сумасшедшего»...

Хотя всем нам давно и хорошо известно, «что у алжирского дея под самым носом шишка». Да и болтовня гаденьких собачонок не удивляет ныне даже самых впечатлительных подростков, поскольку школа безапелляционно и уныло уже поведала им о пристрастии странного классика XIX века к разнообразной мистике и всяческой чертовщине. «Задумчивая мистика» двухсотлетнего классика на фоне сегодняшних «видеострашилок и 3D-ужасов» воспринимается как нечто обыденное, постное, прозаичное.

Так почему же эту небольшую гоголевскую повесть в сотый раз упрямо «волочет на сцену» очередной не шибко занятый репертуаром актер? Емкая и лаконичная форма? Необозримые горизонты для постановочных трактовок? Яркий герой? Возможность сыграть пограничные состояния личности? Комическая трагедия? Ироничная драма? Масса тривиальных, хорошо узнаваемых образов? Добрая тысяча бытовых нюансов, за которые так удобно хватываться, достигая органичного существования? При этом, не меньшее количество ассоциативных обобщений и диковинных символов, которые как не играй, все равно получится весомо и значимо.

Да, именно так. Но, прежде всего – автор. Прежде всего – тема. «Записки» актуальны именно ей. Актуальны нам, сегодняшним. Гоголя активно издают и ставят в периоды относительной стабильности общества, когда изрядно наевовавшись и «наевшись революций» непритязательный российский люд вдруг начинает задумываться об основах этой стабильности и своем месте в фундаменте сложившейся жизни. Ярким тому доказательством служит грандиозный «постановочный бум» 80-х годов прошлого века, когда во многих городах в один вечер шло несколько «Записок» на сценах разных театров.

ТЕМА

Титулярный советник, коллежский регистратор, губернский секретарь, столоначальник, мелкий чиновник, служащий или МЕНЕДЖЕР – все это «новые русские» разных времен. В конце концов не так уж важно, как зовется эта общественная группа в разные эпохи. Она в основе стабильности. Не узенькая прослойка жирноватых состоятельных господ, существующая на этом свете всегда и во всех больших или малых общественных системах. Речь идет о сложившемся в современной России последних лет многомиллионном классе – «офисном люде». Речь идет о классе «молодых служащих», чья молодость весьма относительна (многим-то уже за сорок). Это прилично образованные молодые люди «без локтей». Просто хорошие и абсолютно «не пробивные». Люди, запертые в «прихожей жизни». Ах, как сложно найти из нее выход. Да и возможно ли? Вот она, пресловутая «переключка эпох». У нас, похоже, опять сложилось поколение поприщинных. Или только складывается? Так ли уж безрадостно и уныло его будущее? А у нынешних поприщинных как-то иначе?

Конечно же, на «новом этапе общественного демократического развития» России мелкая чиновничья братия существенно видоизменилась. Но она необходима, она вечна. Менеджер сегодня – это неожиданная смесь коллежского регистратора с приказчиком в

купеческой лавке. Менеджеры теперь чаще всего служат не громоздкой и безжалостной государственной машине, а более или менее самодурствующему хозяину более или менее крупной «фирмёшки». Иерархия в подобных коллективах не менее жесткая, а чаще – очень жестокая. Никакие одаренности и прекрасные профессиональные качества значения не имеют. Занятно, но именно там часто звучат слова о перспективах роста, личностном развитии, карьерном успехе. Так ли уж прогрессивно и радостно менеджерское завтра? Опять «подгнило что-то в датском королевстве»?

Какое место отводится христианским ценностям в перспективах роста, развитии и успехе современной России? На каких основах собираются строить светлое российское завтра наши «великие руководители» и на чем базируется прогресс нынешних национальных проектов? Как все это хозяйство повлияет на судьбу конкретной (еще не сошедшей с ума) личности? Не случится ли так, как двести лет назад, когда период стабильности с легоньким запашком безысходности уверенно перешел в годы разложения, в эпоху «окисления», как назвал ее Достоевский? Все эти вопросы можно и нужно задавать творческому коллективу. Но упаси его Господь впрямую иллюстрировать постановочными средствами те выводы (пусть даже самые верные), к которым он придет. Мы делаем спектакль, а не аналитическую программу для ТВ. В центре нашего повествования – личность; ее отношения с внешним миром и с собой. Личность одаренная, цельная, интересная, утонченная. Ну, а о внешнем мире мы еще поговорим...

ЖАНР

Исповедь. Драма ищущего духа. Трагедия безысходности. Безумие самоанализа и вездливый анализ внешних факторов. «Хождение души по мытарствам», – еще одно спасибо Ф.М.Достоевскому за точность формулировок!

«Записки сумасшедшего» – пожалуй, единственное произведение Гоголя, где труднейший анализ реальности совершает не автор, а герой. Анализ этот может происходить только на грани психического равновесия, ведь речь идет о смысловой бесконечности, о глубинах сознания, которые открываются человеку, к сожалению, только в состоянии безумия.

Это ни в коем случае не моноспектакль. На сцене предполагается постоянное присутствие двух героев (Поприщин и Мавра). На самом деле, зритель увидит практически всех персонажей, заявленных автором, а также все «жанровые картинки» (наиболее значимые действенные факты), которые осмысляет и переживает Поприщин. Зримое отражение мира в мысли. Визуализация переживаний. Аккуратное использование в сценическом действии приемов театра кукол и театра теней, в сочетании с анимацией предметов бытовой среды должно помочь в создании сложного по структуре, но ясного по восприятию, оригинального театрального повествования.

СОБЫТИЙНЫЙ РЯД

Исходное событие, как водится, находится за рамками нашего повествования. Мы видим Поприщина уже перешедшим грань «нормальности». Десятилетия безысходности уже сделали свое дело. Перспектив роста, личностного развития и карьерного успеха не будет никогда, это ясно. Кризис надежд и ожиданий уже свершился. Исходное, как все в этом мире, элементарно. Поприщину не платят (сокращают, задерживают) жалование. Хотелось бы обратить внимание на то, что окончательное определение исходного события будет найдено в процессе репетирования и может разительно отличаться от предварительного. Важно одно – в жизни этого человека случилась «последняя капля».

Все последующие события до уровня событий не дотягивают. Это скорей – действенные факты, которые воспаленное сознание «доращивает» до уровня полноценных

событий. Разговор собачонок. Встреча с дочерью директора департамента Софи. Конфликт с начальником отделения. Посещение театра. Подглядывание в будуар Софи. Кража писем собачонок. Известие о свадьбе Софи и камер-юнкера Теплова. Газетная новость об отсутствии короля в Испании. В Испании есть король – этот король я! Посещение департамента в статусе короля. Прогулка инкогнито по Невскому. Пошив мантии. Переезд в «Испанию», знакомство со странными обычаями и государственным канцлером. Канцлер оказался великим инквизитором. Полет (уход из этого мира).

Все это для героя очень событийно. Он постоянно ищет выход. В любви, в повышении статуса, в возвышении. И находит единственно возможный – в возвращении туда, откуда явился в этот мир. Туда, где Матушка.

А вот и вульгарное изложение великого сюжета – менеджера много лет не повышали в должности (последнее время ему даже понижали зарплату), он сошел с ума и умер.

В отличие от наиболее знаковых героев «Петербургских повестей», Ковалева («Нос») и Башмачкина («Шинель»), Поприщин не примитивен, он не придурок. Хотя заложенная в повесть потрясающая по своей точности клиническая картина сумасшествия уже сыграла злую шутку со многими постановщиками. Придурок и душевнобольной – вовсе не одно и то же. Он так же подавлен «фундаментальной стабильностью», так же коряв, жалок, бесперспективен и слаб. Но. Он постоянно ищет выход. Пусть даже за гранью реальности.

СЦЕНОГРАФИЯ

Художнику-постановщику необходимо добиться ясного и точного образа «прихожей». Возможна прямая стилизация сценического пространства под «людскую комнату» городской усадьбы XIX века.

Принципиально присутствие в оформлении полых ставок с наклеенными на них обоями (стены). Рисунок обоев – вертикальные полосы и цветочный орнамент в стиле «русский классицизм». Подобные недорогие обои «несколько подзадержались в веках» и по-прежнему продаются в наших хозяйственных магазинах. К финалу спектакля Поприщин разорвет эти стены в клочки. За стенами, естественно, – «черный кабинет», – глубокая темная бездна и «звездочка сверкает в дали».

Если найдется место лестнице, ведущей на чердак, как бы перечеркивающей общее композиционное решение, будет неплохо. Лестница может стать прекрасной основой для построения мизансцен финального полета Поприщина.

Присутствие большого напольного круглого зеркала на низкой тумбе также необходимо. Зеркало должно быть мобильным, то есть в разные моменты спектакля передвигаться в разные мизансценические рисунки. С помощью тонированной пленки в определенные моменты его поверхность должна быть зеркальной, а в какие-то – полупрозрачной (одностороннее зеркальное покрытие).

ПРЕДМЕТНАЯ СРЕДА, КУКЛЫ

Обязательно присутствие большого кованого сундука, на котором спит и в котором хранит свои пожитки Мавра, а также большой напольной вешалки с мундирами, зонтом, головными уборами, шинелью. Весомая деревянная бочка, разнокалиберная мебель, самовар и дрова – вполне уместны. И, конечно же, понадобится большое количество разнообразных сапог с разными голенищами, Гоголь все-таки.

Присутствие кукол в спектакле вполне обосновано. Второй герой повествования – Мавра – не только бессловесная тень Поприщина, но и активный участник происходящего. То есть она бессловесна, но не бездейственна. Вполне резонно допустить,

что Мавра не только чистит сапоги, приносит умытья, занимается прочими домашними тривиальностями, но еще и мастерит незатейливых лоскутных кукол для продажи.

Кстати говоря, за двести лет подобные куклы без лиц и продающие их «мавры» не особенно-то изменились. Летом прошлого года на городском празднике в литературном квартале Екатеринбурга мне случилось с ними увидеться. Причем, это не было этнографической инсценировкой, несколько теток со стертymi лицами действительно пришли продать десяток-другой куколок и нехотя рассказали, что умение их делать унаследовали от бабушек.



Идея трехчастного строения мироздания, заложенная в этом простеньком предмете, является своеобразным отражением отголоска суждений наших предков об окружающем мире. По их представлениям, нижняя часть декора говорит о соприкосновении со средой обитания мрачных сил – "навью", средняя часть – с материальной средой окружающего мира – "явью", головной убор – с небом, "правью" (сферой радости, счастья, правды). Вполне гоголевский мотив, как Вы считаете?

А еще Мавра наверняка играет в куклы и Поприщин время от времени присоединяется к игре. Вот здесь-то зритель и увидит других героев гоголевской повести, персонажей мира, располагающегося за стенами «прихожей». Куклы помогают Поприщину смоделировать свершившееся недавно событие, отжить произошедшее, переосмыслить его. В игру могут вовлекаться и предметы бытовой утвари. Почему бы сапожным щеткам не стать вдруг гаденькими собачонками, а круглой деревянной крышке от бочки, крепко пахнув квашенной капустой, не превратиться в луну, ведь «делает ее хромой бочар, и видно, что, дурак, никакого понятия не имеет о луне (...) и оттого по всей земле вонь страшная, так что нужно затыкать нос».

СВЕТ, ЗВУК

Большая надежда на мастера-осветителя, поскольку спектакль предполагает сложную световую партитуру, массу контровых и фронтальных световых эффектов, точечную нюансировку и т.п.

Если не будет возможности написать оригинальные музыкальные акценты и лейтмотив спектакля, предлагается использовать в этом качестве своеобразный микс из фрагментов сюиты А.Шнитке «Ревизская сказка» (возможно, в оркестровой редакции) или хореографической фантазии А.Шнитке по мотивам Гоголя «Эскизы», дополненные звуками сегодняшнего мира (обрывки электронных мелодий, джинглы радиостанций, звонки мобильных телефонов, заставки телепрограмм, характерные звуки работающей оргтехники). Данный прием оправдан балансированием сознания героя на грани небытия, на грани времен. Пожалуй, этот микс может стать единственным «намеком» зрителю на то, что происходящее на сцене касается его напрямую.

А впрочем, этот замысел (как и многие другие в данной заявке) необходимо проверить репетиционным периодом.

© Сергей Владимирович Платонов (Сергей Платон), автор.